

Б Е Р А
Калачкава

Ключи
от ящика
Пандоры

Вера Александровна Колочкова

Ключи от ящика Пандоры

Серия «Секреты женского счастья»

Текст предоставлен издательством

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=6057402

Ключи от ящика Пандоры : роман / Вера Колочкова: Эксмо; Москва;

2013

ISBN 978-5-699-65249-5

Аннотация

Судьба была благосклонна к Ирине – замечательный муж, две красавицы-дочери, дом, полный заботы и любви. Женщина была счастлива по-настоящему, тем тихим счастьем, которое приносит в жизнь чувство защищенности, покой и гармонию. Могла ли Ира предположить, какие эмоции откроет в себе, узнав, что ее казавшееся столь незыблемым счастье в один миг окажется под угрозой?

Вера Колочкова

Ключи от ящика Пандоры

© Колочкова В., 2013

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2013

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

– Ирина, дай воды!

Мама тяжело плюхнулась в кресло, отерла ладонью влажное лицо. Приняв у дочери из рук стакан с минералкой, она отхлебнула пару глотков, поморщилась:

– Ой, не люблю с газом. Каждый пузырек – это ж удар кулаком по печени!

– Хм... Какие у тебя странные аллегории...

– И ничего не странные, все так и есть! А ты не знала?

– Нет.

– Ну, так слушай, чего мать говорит! По моей – точно кулаком. Сразу из ребер вываливается, болью болит... А может, мне в Трускавец съездить, как думаешь?

– Поезжай...

– Хм... Ишь, как у тебя все просто. На какие шиши?

– Я дам денег. Купи путевку в хороший санаторий.

– Ладно, поглядим, может, еще обойдется. Просто я сегодня разнервничалась. Да еще и свиную отбивную зачем-то съела...

Мама прикрыла глаза, погладила правый бок. По лицу медленно разлилось болезненное страдание, весьма выразительное, надо сказать. Да такое, что волей-неволей чувствуешь себя плохой дочерью, не способной к испуганному сочувствию. А маме так хочется этого испуга! Чтобы с непременным кудахтаньем, с рассыпанным бисером «ахом» и «охом»...

Она, неблагодарная и бесчувственная дочь, всегда терялась от этого напора многословия, болезненной мимики лица. Наверное, потому, что настоящее, искреннее сочувствие не умеет пробиваться через энергию обвинения – у тебя, милая моя, мать болеет, но «шишей» на лечение нет! А тебе и невдомек, конечно, у тебя-то они есть...

Ирина вздохнула, с тоской поглядела в окно. Подумалось в который раз – ну почему так происходит? Можно же прямо сказать – так и так, дочка, дай денег на поездку в санаторий. Почему надо издалека заходить, хлопотать болезненной эмоцией, да еще и жеманно отмахиваться – ничего, обойдется, мол! Знает же, что отказа не будет. Для чего эта демонстрация страдания-обвинения? Еще и свиную отбивную

на помощь призвала... Нет, и впрямь! Если печень болит, так заказала бы себе там, в ресторане, что-нибудь диетическое. Она не сдержалась, произнесла тихо, боясь обнаружить вспыхнувшую искру раздражения:

– Так не ела бы отбивную, мам.

– Ну да! Как было не съесть? Поминки все-таки, ты ж сама их в ресторане заказала. Неловко было с постным лицом над тарелкой сидеть. Да еще и в ресторане! Ишь, как расщедрилась! Конечно, если деньги есть, так отчего же – все только самое лучшее. А что с матерью после отбивной будет, все равно! Ой, ой, как болит... М-м-м...

– Может, таблетку?

– Да что мне с твоей таблетки... В нее сочувствия не положишь!

Ах, все-таки сочувствия не хватает! Да есть оно у меня, ей-богу, только зачем по нему плеткой стегать? Как же ты не понимаешь, мама, что побитое плеткой сочувствие – уже и не сочувствие, а просто выражение лица, обманное, старательно сделанное. И хватит уже формировать у меня чувство вины. Хоть завтра поезжай в свой Трускавец, решили же!

– Нет, я так и не поняла, Ирк, чего ты вдруг этих старух, Машиных подружек, в ресторан на поминки потащила? Могли бы и в ее квартире стол накрыть. Они, поди, отродясь в таком дорогом ресторане не были.

– Перестань. Мне для тети Маши ничего не жалко.

– Так ей-то уж все равно, прости, господи, ее душу греш-

ную, царствие ей небесное, вечный покой! А тебе вон какой расход вышел.

– Прекрати!

Наверное, слишком резко она ее оборвала – вон как та в кресле выпрямилась, поджала губы обиженной скобочкой. Сейчас обязательно выдаст чего-нибудь такое, скорбно самобытное, с фольклорным душком родного городка Красногвардейска.

– Прости, доченька, что я твои деньги считаю. Меня-то небось так богато не похоронишь.

Ага, на этот раз без фольклора обошлось. Хотя и не менее убойно. Вот что на это ответишь? Не беспокойся, мамочка, похороню, довольна будешь? И денег на это мероприятие тоже не пожалею, и поминки в дорогом ресторане проведу? Хм... Да уж. И обидно, и грустно. И как ни скажи, все равно виноватой останешься. Лучше уж обойти вопрос обиняком, по касательной.

– Тетя Маша меня любила. Я у нее да у тети Саши единственная племянница была, ты же знаешь. Хотя почему была. Для тети Саши-то пока что есть, слава богу. Не представляю, как она теперь будет без сестры? Все-таки у близнецов особая привязанность друг к другу.

– Ну, Александра-то покрепче Марии здоровьем вышла, проживет еще, не волнуйся. А насчет привязанности – подумаешь, близнецы. Одна и радость была, что с лица одинаковые. А так сестры и сестры. Любая сестра к другой привяза-

на. Как и мать к дочери. Вот говоришь, любила тебя шибко Маша. Да уж не больше, наверное, чем я, родная мать!

– Я не сказала, кто больше, кто меньше. Я просто сказала – любила.

– Так оно и понятно: кого им с Александрой еще любить-то было, кроме тебя? Своих детей бог не дал, с молодости один свет в окошке – младший братец, твой папаша. Тряслись над ним, как над малым дитем! Вот и залюбили, и воспитали эгоиста!

– Не говори так. Он же мой отец.

– Да какой отец, ты и помнить-то его не должна! Когда он бросил меня, тебе еще и двух лет не исполнилось! Думаешь, легко мне было одной, с малым ребенком на руках?

– Но ведь тетя Маша и тетя Саша всегда помогали.

– Помогали, конечно, не спорю. Как же иначе! Чай, стыдно им было за непутевого брата-то!

– Да ладно, мам. Уж тридцать лет прошло, как его в живых нет, а ты все о нем с обидой говоришь!

– Да! А куда ее денешь, обиду-то? Ты ж не знаешь, каково это – быть брошенной с малым дитем на руках.

– Знаю, мам.

– Ой... Ну да... То есть я хотела сказать...

Мама осеклась, осторожно глянула на нее исподлобья. Что называется – прикусила язык. Вот так, бывает, прилетают приветы из прошлого, казалось бы, забытые основательно. Ан нет, не забытые. И, слава богу, у этих приветов уже

налета обиды нет. Но ведь и впрямь – было... Было, да быльем-счастьем поросло. Вон даже мама уже не помнит. И хорошо. Вообще надо закрыть тему.

– Я не это имела в виду, Ирочка...

– Да ладно, я все понимаю. Скажи лучше – ты сегодня домой поедешь или погостишь еще?

– А почему спросила? Что, мать в твоём богатом доме не смотрится, да? Интерьер своим деревенским видом портит?

Вообще-то можно на такие вопросы-забияки и обидеться, конечно. Да, это самый легкий путь. То есть сделать вид, будто не понимаешь, что мама этими вопросами всего лишь на проявление дочерней любви провоцирует. А значит, очень ее хочет, и на самом деле не так много, любви-то. И, стало быть, надо растечься уверениями по дереву.

Надо. Но не хочется, видит бог. Чего действительно очень хочется, так это чтобы мама уехала. Оттого и пауза образовалась довольно напряженная. Мама уверений ждет, а они, проклятые, застыли где-то на полпути, один тяжкий вздох вырвался наружу.

Да любит она ее, любит! Просто устала. Может она позволить себе устать, в конце концов? От похоронных хлопот, от горя, от поминок на девятый день... И от мамы тоже. Не потому, что она в доме «не смотрится», как только что неказисто подковырнула, а просто хочется, чтобы домашняя жизнь поскорее вошла в привычную колею, потекла в знакомой упорядоченности, в милых сердцу привычках и неспешном

достоинстве. Чтобы завтраки по утрам вкусные под веселую пикировку девчонок и насмешливые в их сторону улыбки Игоря, и торопливое обсуждение планов на вечер, и обязательный выход на крыльцо – поглядеть, как они выезжают за ворота на машинах: Игорь на работу, девчонки – в институт, – и помахать вслед рукой. А потом – еще вздремнуть часика два. Сладкий, блаженный сон с мыслью – все при делах пристроены, и она тоже – при очаге хранительница.

Ничего этого с мамой не получается: ни пикировок, ни улыбок, ни легкости – одно вежливое напряжение витает в воздухе – тихо, мол, посторонний в доме. Вроде и близкий человек, кому теща, кому бабушка, кому вообще, простите, родная мать, а не получается. Наверное, это нормально? Просто привычки к совместному житию нет.

– Я, Ир, у тебя еще про квартиру спросить хотела.

Дочь глянула в мамино задумчивое лицо, в который раз удивляясь, как быстро меняется ее настроение. Пока она мысленно готовилась, как ответить на провокационный вопрос об «интерьере и деревенском виде», мама уже и про сам вопрос забыла, на другом сосредоточилась.

– Что? Про какую квартиру?

– Да про Машину, про какую еще! Она ведь, наверное, тебе ее завещала? Больше вроде некому?

– Ну да. Тетя Саша мне рассказывала, что год назад они вместе ходили к нотариусу, оставили два завещания на мое имя. Им ведь и впрямь больше некому.

Что это она – будто оправдывается? Словно виновата в том, что у отцовских сестер больше родных нет? Да и не в этом даже дело! Вовсе не хотела она никаких завещаний, но раз уж так получилось...

– И что ты с ней собираешься делать?

– Не знаю. Я не думала над этим вопросом, как-то не до того было.

– А ты подумай и поступи по совести.

– В каком смысле?

– А в таком! Вон у тебя дом – полная чаша, живешь, как сыр в масле катаешься. И машина у каждого есть, и на заграничные курорты ездите...

– Мам, скажи прямо – чего ты хочешь?

– Ну, прямо так прямо. Отдай Машину квартиру Снежанке. Чего девка рядом с матерью в нашем захолустье мыкается? Сестра она тебе или кто? Хоть и отцы у вас разные, но все равно! Конечно, ей меньше повезло – у нее таких теток нет. Кроме меня да тебя, вообще никакой родни нет, никто завещания не оставит. Но она ж в этом не виновата, правда? Совсем ведь с пути собьется. А в городе у нее, может, какая-никакая личная жизнь наладится. Отдай, а?

– Хорошо. Вступлю в наследство, потом дарственную на Снежану оформлю.

– Что, правда?!

– Правда.

– И даже с Игорем советоваться не будешь? А вдруг он

тебя отговорит?

– Он даже вникать не будет.

– Ой, Ирочка, да неуж и впрямь... Как хорошо, какая ж ты у меня умница! А то ведь, знаешь, устала я с ней под одной крышей-то жить. Хотя и дочь она мне, но характер такой, сама знаешь: живем, как кошка с собакой, так и до греха недалеко. Папаша-то у нее тоже был с характером, помнишь?

Да, помнила она отчима, куда ж от этой памяти денешься: грубиян, буйан и лентяй. Одно и достоинство, что с лица красив и на пяток лет моложе матери был. Когда сестра родилась, подался на заработки к другу в северный город да так и пропал там, даже исполнительный лист на алименты его не нашел. Видно, не прописано было судьбой для мамы семейного счастья. И Снежане с мужем не повезло: развелись, не прожив и года. Как говаривала сестренка – злой рок по материнской линии. С обидой говаривала, будто старшая сестра незаслуженно получила семейное счастье.

– Я одну ее в город отпущу, Олежку при себе оставлю. Я еще в силах, сама внука воспитаю. Может, и повезет ей, нового мужа найдет. А что, при наличии квартиры-то. Как думаешь?

– Не знаю, может быть.

– Ну и ладно, и хорошо... Видишь, как все славно устроивается. Все-таки хорошо я тебя воспитала, ты у нас добрая душа. А Игорек точно не заругается?

– Нет. Он тоже добрая душа, мам.

– Ага, ага... Ну, я тогда прямо сейчас домой поеду, обрадую Снежанку новостью. Закажешь мне такси до вокзала?

– Зачем? Я сейчас Коле позвоню, он тебя в Красногвардейск отвезет.

– А кто это?

– Водитель Игоря, он его по делам фирмы возит.

– А вдруг муж не одобрит, что ты его шофера по личным делам отвлекаешь?

– Нет. Ты вообще слышала хоть раз, чтобы он ругался?

– Нет, но все равно неловко как-то. Да и кто я для него? Теща деревенская, невелика птица, – пропела в мамином голосе привычная провокационная нотка и тут же затихла, удивившись в благоговейное, следом произнесенное: – Ой, прямо нарадоваться не могу, как повезло с зятем! Такой он у нас, Игорек, дай бог ему здоровья. Ну что, тогда соберусь по-быстрому? Да и чего мне там: нищему собратиться – только подпоясаться...

Выбравшись из кресла, она шустро начала подниматься по лестнице в гостевую комнату. И через десять минут уже спустилась, держа в руках дорожную сумку.

– Коля через десять минут подъедет. Успеешь еще чаю выпить.

– Да что чаю. Не хочу. Вот думаю – приеду домой, а там холодильник пустой...

Ах, как она забыла-то, господи! Про самое главное, традиционное, сокровенное!

Нашла глазами брошенную на диван сумку, торопливо дернула «молнию», достала кошелек, вытащила наугад несколько шершавых на ощупь купюр.

– Вот, мам... Так, сколько здесь... Тысяча долларов. На месяц хватит, я думаю.

– Ой, нет, нет, не возьму! Совсем с ума сошла, что ли! Нет, нет, убери!

И это у нас традиционное, сокровенное, из раза в раз повторяющееся. Даже и не раздражает, а привычную улыбку вызывает эта жеманная эмоция, с виду абсолютно искренняя. Сейчас еще и про мужа...

– ...А вдруг Игорек заругается, что ты мне все время деньги съешь?

Но рука уже тянется, хотя и брезгливо. Вроде того – что с тобой сделаешь, не отказывать же родной дочери.

Все. Теперь уж точно – все. Деньги в мамином кармане, Коля скоро подъедет. Совсем немного осталось. Ирина вздохнула легко, радостно и сама испугалась этого. Нехорошо вроде, и мама обидеться может. Что-то она сегодня разлетелась с раздраженной в ее сторону внутренней насмешливостью. Нет, нехорошо – мать есть мать, какая уж есть, родителей не выбирают.

Наверное, это просто усталость. Горе, похороны, и бедная тетя Саша из головы не выходит. Как она там, интересно? Надо бы позвонить потом. А завтра с утра обязательно съездить, навестить.

Подъехал Коля, посигналил от ворот. Мама подхватила, быстро засеменила к двери, но, выйдя на крыльцо, будто опомнилась, вальяжно расправила плечи, с достоинством пошла по дорожке. С таким же достоинством расцеловалась с ней, важно уселась на заднее сиденье, подобрав юбку.

– Коль, до самого дома, ладно? – сунулась дочь лицом в открытое окно машины.

– Понял, Ирина Андреевна, как скажете.

– До свидания, доченька! Девочек за меня поцелуй! И Игорька тоже!

– Хорошо, мам... Счастливой дороги.

Едва сдержала улыбку – слишком уж панибратски прозвучало из маминых уст имя Колиного начальника. Откровенно и не без умысла – знай, мол, кого везешь!

И снова Ирина себя одернула – нехорошо, хватит на сегодня, проехали. Махнула вслед отъезжающей машине, шагнула назад, медленно прикрыла за собой кованую калитку... И остановилась, задрав голову вверх. Господи, хорошо-то как! Сентябрьское полуденное солнце стекает с крыши дома, охватывая его мягкими лапами, прыгает на траву, медленно пробирается по теплой терракоте сосновых стволов, вольно расположившихся с обеих сторон мощеной дорожки. Какое красивое место... Красивое, потому что свое, родное, привычное глазу, почти заповедное, не тронутое изысками навязанного приличиями модного усадебного дизайна. И дом такой же: дом-терем среди сосен, большой, добродушно нека-

зистый, с балюстрадой на втором этаже, с крестом рамы в круглом чердачном окне под высокой крышей. Впрочем, за эту неказистость она его и любила. И сосновые стволы любила, и заросли бузины вдоль забора, и крепкое деревянное крыльцо, и резные, крытые темным лаком балясины балюстрады.

Налетевший ветер едва заметно качнул стволы сосен, прошелся дрожью по нестриженому газону, принес с собой запах ранней осени – терпкий, с нотками дыма и залежавшихся на земле яблок. Ну да, на соседнем участке много старых яблонь, а нынче урожай. Надо бы тоже хоть одну яблоню посадить, весной красиво цвести будет. Хотя – не впишется она в компанию сосен.

А красиво, когда газон нестриженный. И вообще – абсолютно дурацкая задумка – траву налысо стричь, как несчастного новобранца. А уж кусты квадратами и кубами подстригать – полное издевательство над природой. Разве среди этого безобразия запах осени почувствуешь? Или запах счастья, единения с родным домом?

Ветром вытянуло из кухонного окна занавеску, которая затрепыхалась белым зовущим крылом – иди сюда, хозяйка, пора ужин готовить, скоро семья нагрянет.

И то, пора уже. Утром Сашка с Машкой на ужин блинчиков с мясом попросили. Вот же – даже вкусы у них одинаковые, у девчонок. Так у близнецов, наверное, и бывает. Тетя Маша с тетей Сашей тоже всегда одинаковую еду готовили,

не сговариваясь. Боже, тетя Саша! Ира же хотела ей позволить!

Женщина быстро прошла по дорожке, легко взбежала на крыльцо, потянула на себя массивную дубовую дверь и оставила открытой – пусть дом проветривается. Слишком у мамы духи сладко-терпкие, все ими пропахло. Ага, вот телефон, на столе лежит.

– Теть Саш, как вы? Давление мерили? Опять высокое, да?

– Не беспокойся, девочка, – зашелестел в трубке сухой горестный голос. – Давление как давление. Да и чего мне теперь... Я еще и понять не могу толком, что Маши нет. Вот когда пойму... Знаешь, мы совсем недавно с ней рассуждали, кто из нас первой уйдет. Выходит, Маше больше повезло. Ей всегда больше в жизни везло, чем мне.

– Теть Саш, ну не надо, а? Ну, пожалуйста!

– Хорошо, не буду. Просто у близнецов особая связь, ты ж понимаешь – один без другого жить не может. Ну, все, не вздыхай, больше не буду. Кстати, как там девчонки? Их на поминках не было.

– У них сегодня какая-то важная лекция была, никак не могли пропустить.

– Ну да, ну да... Учеба, конечно, дело важное, я понимаю. А Маша простит. Она девчонок твоих без ума любила, очень гордилась, что ты их нашими именами назвала. Спасибо тебе, девочка. И что звонишь, спасибо. Слышу твой голосок,

и жить хочется.

– Я завтра заеду. Вам что-нибудь из продуктов нужно?

– Нет, у меня все есть. А Света еще гостит у тебя?

– Мама домой уехала, только что ее проводила.

– Хорошо. Тогда до завтра, Ирочка?

– До завтра. А давление все-таки померяйте.

– Ладно, ладно...

Тетя Саша первой нажала на кнопку отбоя. Понятно, не хочет на лишние разговоры время у нее отнимать. Всегда и во всем такая – тихая, вежливая, опасливая в излишней навязчивости. И тетя Маша тоже... Была...

Она ведь даже не знала о ее болезни, тетки решили таким образом Ирину не волновать. Как-то все случилось быстро и вдруг... Совершенно неожиданно. А впрочем, о каких ожиданиях в данном случае может идти речь?

Вздыхнула, забралась с ногами в кресло, пригорюнилась, поглаживая пальцами гладкое тулово телефона. Надо бы ужин идти готовить...

Успеется. Тем более беспокойство внутри поднялось – что-то еще она хотела сделать, что-то оставленное «на потом», когда мама уедет. Что же...

Ах да, вспомнила – письмо! Тети-Машино письмо, обнаруженное в день ее смерти. Лежало на столе, неприкаянное, вложенное в конверт с аккуратно подписанным адресом – город Борисоглебск Воронежской области, Синицыной Анне Власьевне. Да, что-то она про эту Анну Власьевну слышала.

Какая-то родственница со стороны тети-Машиного мужа, а может, просто давняя приятельница. Еще подумалось, когда нашла этот конверт, – надо бы отправить.

А теперь и непонятно, надо ли отправлять. Как-то нехорошо получается – человека нет, а письмо от него уйдет. Может, достать его и дописать от своего имени – так, мол, и так, умерла тетя Маша...

Ирина потянулась к сумке, достала письмо, неуверенно повертела в руках. Подумалось отстраненно – надо же, какая сохранившаяся привычка из прошлого. Кто ж сейчас письма пишет? Давно уже все по мобильной связи общаются, а письменно – лишь короткие сообщения по тому же мобильнику шлют. А впрочем, все в жизни теток текло по старинке, никак не могли оторваться от привычного, сложившегося с годами уклада жизни. Даже открытки ко всем праздникам не ленились писать, целый ритуал с ними был.

А может, и правильно, что не изменяли привычкам? Есть в этом что-то основательное, как твердая почва под ногами. Тетя Саша, например, до сих пор простыни крахмалит, паркет воском надраивает и абрикосовое варенье варит с грецкими орехами. А еще успевает варежки и шарфы вязать и одаривать ими к Новому году. Пришлось даже своих домашних приучить к восторженному проявлению благодарности к таким подаркам.

А воскресные обязательные обеды! Как тетя Маша радовалась, когда зазывала их, как готовилась! А если не удава-

лось зазвать, то они с тетей Сашей вдвоем празднично-воскресно обедали, и это было неколебимо и неотменимо, как восход солнца по утрам. И белая льняная скатерть, и блики солнца в мельхиоровых ложках и вилках, и старинная серебряная ваза-хлебница, и пирог со смешным названием «кулебяка», который нельзя было просто испечь, а следовало именно «завернуть». Даже у нее в семье это выражение прижилось – мам, заверни кулебяку! – просили девчонки. А что делать – приходилось. Правда, все равно так вкусно не получалось. Тетя Маша в этом деле была большая искусница, у нее муж поваром в каком-то приличном месте служил. Правда, последние тридцать лет она вдовствовала, но привычка называть простую еду благородными гастрономическими терминами так при ней и осталась.

А тетя Саша никогда не была замужем. Правда, присутствовала меж тетками-близнецами на этот счет какая-то недосказанность, тайная подоплека молодых отношений. То ли тетя Саша наперед в будущего тети-Машиного мужа влюбилась, то ли он сам долго выбирал, на ком из них жениться... Да, трудно ему было, наверное. Они ж, если на старые фотографии взглянуть, абсолютно одинаковые были, ни одной черточки различия. А если судить по характеру, то скорее всего тетя Саша сама проявила благородство, открыла зеленый свет сестриному счастью. Такая уж она.

И сейчас за нее беспокойство одолевает – как она этот разрыв в связке переживает? На похоронах, вон, ни одной сле-

зинки не проронила, стояла у гроба сестры, как застывшее изваяние. Да, это плохо, что не плакала. Опасно, нельзя ее оставлять надолго одну. К себе бы пригласить погостевать, так ведь не поедет! И ничего с этим комплексом сверхделикатности не сделаешь, в обратном не убедишь!

И все же – с письмом-то что делать? Придется-таки вскрывать конверт, от своего имени дописывать в конце печальные строки. Неловко, но надо.

Она осторожно надорвала краешек, вытащила свернутый лист, исписанный каллиграфическим тети-Машиным почерком. Развернула...

И сразу защипало в носу, перехватило слезами горло. Так и представилась склонившаяся над письмом, под светом зеленой старинной лампы, тетя Маша в аккуратных очочках. Живая... «Здравствуй, дорогая Аннеточка...»

Аннеточка! Только она могла придумать такое имя!

«...Прости, что сразу не ответила на твое письмо, которое получила третьего дня. Все, знаешь, как-то недосуг было, еще и прихворнула слегка, доставив Сашеньке массу переживаний по этому поводу – она же такая несусветная паникерша...»

Ох, тетушка, тетушка... Значит, «прихворнула слегка». Так ты называешь свою сердечную болезнь, когда и дышать-то сил не было, не то что письма писать.

«У нас с Сашей все, в общем, хорошо, доживаем свой век в относительном душевном спокойствии. А главное, девочка

наша живет хорошо, в счастливом семейном благополучии. Ты же знаешь, как мы ее любим – такая отрада нам в старости. Она сейчас – копия Андрюши! Те же ясные глаза, та же улыбка. Очень, очень хорошая девочка, просто писаная красавица...»

Так, понятно. Девочка – это она, стало быть. Хороша «девочка» – скоро сороковник стукнет. За «писаную красавицу», конечно, спасибо, но это всего лишь тети-Машино преувеличение, надо отдать ей должное. И насчет отцовской копии – тоже вопрос весьма спорный. Ирине казалось, что ничуть она на него не похожа, по крайней мере на тех фотографиях, что висят на стенах в теткиных квартирах, никакого особенного сходства не наблюдается. А может, это с детства в ней укоренилось – с настороженностью относиться к отцовской памяти. Тем более она его совсем не помнит. Если сказать точнее – помнит маминой обиженной памятью. Какая у женщины может быть память, если ее действительно с малым ребенком на руках бросили? Она потом, кстати, задавала свой детский вопрос тете Саше – как же так...

– Ты не обижайся на отца, девочка. Знаешь, он был очень своеобразным человеком, вовсе не подлецом, нет. Он был, как бы это сказать... Философом беззаботности, адептом свободной дороги.

– Хиппи, что ли?

– Ну, вроде того. Он и в поселке, где твоя мама жила, случайно оказался – приехал больного товарища навестить.

А потом вдруг сообщает нам с Машенькой – женился я. Мы и удивились, и обрадовались одновременно. Решили – влюбился наконец.

– А он и в самом деле в маму влюбился?

– Я думаю – нет. Тут другое было. Он, как бы это помягче сказать, решил попробовать на вкус обыденной жизни. Хотел жить, как все: чтобы жена, трудности... Думал, получится. Он вообще страдал от того, что не такой, как все. Вот и решил себя заставить. Не получилось, что ж делать. Но тебя он очень любил...

– Да как же любил, если бросил!

– Ох, девочка моя, девочка... Не говори так. Люди могут не жить вместе десятилетиями, но это не отменяет любви. А могут, наоборот, жить бок о бок и страстно ненавидеть друг друга. Наверное, я плохо сейчас эти вещи объясняю. Если бы Андрюша был жив, объяснил бы по-другому. Я думаю, ты бы его поняла.

– Да. Жаль, что не объяснил.

– Что ж делать, не успел. И погиб он, можно сказать, героически. Бросился с моста, хотел спасти тонущую в реке девушку. Так и утонули – вместе. Оставь в своем сердце светлую память об отце, так тебе легче жить будет.

– А мама говорит...

– И пусть говорит. Ее тоже можно понять, но ты не живи ее обидой. Постарайся по крайней мере.

– Да, тетя Саш. Я постараюсь, обещаю!

Легко было обещать, да трудно сделать. Имя-то отцовское из материнских уст только по плохому случаю вылетало, всегда с проклятием. В особенно обиженную минуту и сестрам отцовским доставалось, «двум синим мырмам». И не дай бог, если эта минута приходилась на школьные каникулы, когда они пытались зазвать девочку в гости! Мама об этих «гостеваниях» и слышать не хотела! Тогда теткам приходилось ее выкупать – в буквальном смысле слова, за деньги. Если приходил маме солидный денежный перевод – можно было собираться в дорогу.

Гостить у теток она любила. Нежилась, купалась в их двойной любви, примеряла на себя другую жизнь, совсем не похожую на ту, к которой привыкла. А главное, у теток была свобода, делай целый день что хочешь: хочешь – гуляй, хочешь – книжку читай! Ни тебе на колодец за водой ходить, ни грядок полоть, ни белье постиранное в речке с мостков полоскать. Одно только плохо было – Игоря долго не видела. Игоря Громова, которого любила с первого класса.

Нет, почему же с первого, с третьего, наверное. Он к ним тогда пришел, когда его отца из города руководить их кирпичным заводом направили – единственным предприятием, дающим работу жителям поселения с гордым именем Красногвардейск. Большой такой завод, на несколько цехов... И мама там работала, в бухгалтерии. По-нынешнему такое предприятие называется градообразующим. Значит, и директор его числится первым лицом «града» Красногвардей-

ска. А сын его, что вполне естественно, главным учеником в единственной школе.

Вспомнилась детская любовь к Игорю, и заняла душа опасливо – не надо бы вспоминать-то. Уж сколько раз сама с собой договаривалась: в детство и юность – ни ногой, ни мыслью! Чтоб забылось напрочь, чтоб не вспоминалось пережитое – ни обида, ни гнев, ни ужас. Даже не верится сейчас, что все это было в их с Игорем жизни! Но ведь было, было...

* * *

Поначалу ее поразило выражение лица новенького мальчика – по-взрослому отстраненное. Ни улыбки, ни любопытства на нем не было, лишь вынужденное смирение перед обстоятельствами в глазах. Оно и понятно – не очень-то радостно, наверное, менять городскую школу на захудалую поселковую. И мальчишки в классе сразу напряглись – не понравился им этот надменный воображала! Она слышала, как сидящий сзади Колька Петров прошептал приятелю, рыжему дураку Остапенко – слышь, Костян, после уроков новенькому проверочку на вшивость устроим.

Обернулась, показала Кольке кулак. А он ухмыльнулся, поднял бровь, ткнул Костьку Остапенко в бок, хихикнул глумливо – смотри, а Захарова-то влюбилась...

Она вспыхнула, откинула косу с плеча, принялась тороп-

ливо листать страницы учебника, как испуганная двоечница. А в голове билось – и впрямь ведь устроят свою дурацкую «проверочку», могут и побить, с них станется.

После уроков пошла Игоря провожать. Шла за ним чуть поодаль, зорко глядела по сторонам – эти противные рожи могут из любой подворотни наперерез выскочить. А когда новенький вдруг обернулся, остановилась в смятении, перехватила портфель из одной руки в другую.

– Ты почему за мной идешь? – улыбнулся он вполне миролюбиво. – Или нам просто по пути?

– Нет... Нет, не по пути. Я на другом конце поселка живу. Просто Петров с Остапенко... Они хотели тебе... Вот я и подумала... Они ведь такие, и побить могут.

– А чего ж не побили? Струсили, что ли? Вообще-то я их не боюсь. Но все равно – спасибо. Тебя как зовут?

– Ирина.

– Ага. Я тебя сразу запомнил. Ты ведь в третьем ряду сидишь, у окна?

У нее сердце подпрыгнуло радостно – запомнил, значит! И щеки сильно покраснели, портфель опять неловко перекочевал из одной руки в другую. Но внешне радости своей не выдала, лишь неопределенно пожала плечами – запомнил и запомнил, подумаешь...

– Ир, а можно я завтра с тобой сяду? В прежней школе я тоже всегда у окна сидел.

– Можно, конечно. Вообще-то со мной всегда Надька Ка-

линина сидит, но она сейчас болеет. Все время у меня математику списывает.

– Значит, ты не жадная, списывать даешь?

– Ну да. И тебе буду давать, если надо.

– Мне не надо, спасибо. Я сам. А ты хорошо учишься?

– Да. С первого класса круглая отличница. Единственная в классе.

Похвасталась и снова покраснела, неловко опустила глаза. Но Игорь ее неловкости не заметил, вздохнул грустно:

– Я тоже в своей прежней школе отличником был. А потом папу сюда перевели, директором завода.

– Ух ты! Так твой папа – директор завода? Моя мама тоже там работает, в бухгалтерии. Да у нас у всех ребят в классе родители там работают.

Подошли к подъезду красной кирпичной пятиэтажки, Игорь махнул рукой:

– Я вот здесь живу, папе в этом доме квартиру дали. Вон окно моей комнаты, на четвертом этаже, видишь? С голубыми занавесками. Вообще-то они с мамой хотят свой дом построить.

– Ну и зря! – задумчиво рассудила она, задрав голову. – В квартире жить намного удобнее; воды носить не надо, печку зимой топить тоже. У нас в доме печка плохая, так порой с ней намаешься.

– А ты что, печку топить умеешь?

– Умею, конечно. Чего там уметь-то? Смешной ты...

Игорь кивнул, будто соглашаясь с ее превосходством в этом вопросе. Потом произнес решительно:

– Слушай, Ир! Все-таки неправильно как-то, что ты меня проводила. Как маленького! Давай теперь я тебя провожу, что ли!

– А что, давай!

Так и пошли вместе через школьные годы, будто по ступенькам лестницы. Через дружбу перешагнули, потом, как водится, до любви добрались. В восьмом классе впервые поцеловались, в девятом впервые поссорились – весь класс переживал эту драму, пока ребята не помирились. Еще бы – такая пара у них была, можно сказать, образцово-показательная! Оба – отличники, с характерами, с амбициями «первого в классе». Многие даже подражать им пытались... Чтоб все, «как у Ирки с Игорем». Никто и не сомневался, что после школы их любовь свадьбой закончится. Ну, не сразу, конечно, но годика через три-четыре – точно.

И она не сомневалась. Плавала в своей счастливой любви, не замечая, как прорастает в ней корнями юной души, отмахивалась от маминого, упреждающего:

– Ирк, ты особо-то не увлекайся... Ишь, Джульетта нашлась. Помни себя-то, кто ты, а кто он! Видела, какой его родители барский дом отгрохали? Нынче жизнь такая пошла – деньги к деньгам.

– Да при чем тут это, мам? Не думаем мы ни о каких деньгах! Мы сами по себе!

– Я не спорю, он парень хороший, конечно. И любовь у вас, тоже понимаю. А только шибко в нем все равно не прорастай, чтоб не отрывать потом с кровью. Смотри, потеряешь саму себя, как бы потом плакать не пришлось...

– Ой, ну что ты! Чего мне терять, если мы с Игорем и впрямь единое целое?

– Да то-то и оно, что целое. Я, когда с твоим отцом по большой любви сошлась, тоже думала, что мы – единое целое. А он взял оторвал меня и дальше пошел. Так и живу – корнями наружу. Думала, уж на другой раз умнее буду, ан нет: вот же мне бабья судьба досталась – одной детей растить! Нет, нельзя в мужиках душой прорасти, Ирка, нельзя! Себе дороже выходит.

Девочку ужасно сердили эти разговоры, и мамино лицо в эти моменты раздражало. Господи, да как можно так говорить – нельзя душой прорасти? А если это любовь, которая одна и на всю жизнь? И как можно оценивать чужую любовь, хороша она или нет, прочна или не очень? Это уж их с Игорем дело! Да они и дня не могут прожить друг без друга! С третьего класса – вместе! И дальше пойдут вместе, уж не раз говорили об этом. Правда, в институты после школы будут поступать разные, но ведь это не страшно, институты-то в одном городе находятся, до которого три часа езды на электричке! Игорь будет учиться в политехническом, а ее, как чистого гуманитария, педагогический ждет не дождется. Хотелось бы на истфак...

Последняя школьная весна выдалась ранней, солнечной, весь май бурно цвела черемуха, кружила сладким запахом юные головы. Особенно вечерами он казался густым, как молодое терпкое вино, вдвойне хмельным от поцелуев. И – случилось меж ними, конечно же. То, что и должно было случиться, о чем давно втайне думалось, но не осмеливалось на трезвую голову. Все-таки оба они были хоть и влюбленные, но слишком правильные: отличники, образцово-показательная школьная пара. Но ведь любовь школьной целомудренностью не обманешь, если это и в самом деле любовь?

На экзаменах ее все время тошнило, голова шла кругом. Даже в сочинении сделала две ошибки, чем огорчила учительницу литературы. И любимую историю спихнула кое-как, сжалились над ней, поставили-таки пятерку. Учли болезненное состояние – переволновалась, мол, наша отличница.

Она и сама думала, что переволновалась. А потом... Потом догадалась вдруг. Встала утром в день выпускного и догадалась. Но сразу себе не поверила, принялась лихорадочно теревить календарик, производя пугливые девчачьи подсчеты. Мелкие цифры прыгали перед глазами, горло от страха сводило судорогой. Как же так-то? Этого ж просто быть не может! Не заказано же было, это ж все потом, в далеком будущем должно быть... А сейчас-то – зачем?!

– Ирк, ты чего?

Она вздрогнула, оглянувшись на вошедшую в комнату ма-

му, торопливо сунула календарь в карман халатика.

– Ничего...

– Опять голова болит, что ли? Хватит волноваться, экзамены-то закончились. Как думаешь, Снежанку на твой выпускной взять или дома оставить? Вообще-то она просится.

– Не знаю, мам. Делай, как хочешь.

– Ладно, возьму, пусть послушает, как сестру учителя хвалят. Ей нынче в первый класс идти, полезно будет. Давай-ка платье еще раз примерим, уж больно ты в нем хороша! Прямо невеста! Игорь-то твой обалдеет, когда увидит!

Она усмехнулась про себя пугливо – да уж, обалдеет... Скорее от новости обалдеет, чем от платья. Да и как сказать-то? Как об этом вообще говорят? Я жду ребенка, давай срочно жениться?

– Да что с тобой, господи? – будто сквозь вату донесся мамин голос. – Ты чего осунулась вдруг? С Игорем, что ли, поссорилась?

– Нет, мам. Все в порядке. Можно, я полежу немного? Голова болит.

– А в парикмахерскую, прическу делать?

– Да ладно, и так хорошо, без прически.

Как прошел выпускной, она плохо помнила. Нет, все было нормально, вполне весело. И Игорь, как обычно, держал ее за руку, и на обязательный по случаю вальс они вышли в круг одни – никто с ними соперничать не решился. Все-таки образцовая пара... Мелькали по кругу лица – учителей,

размягченные умилением, одноклассников, тайно завистливые. И застолье было, и концерт с песнями – «...когда уйдем со школьного двора», и прогулка на обрыв к реке – рассвет встречать, все в лучших традициях.

Когда совсем рассвело, стали расходиться по домам, усталые. Игорь довел ее до калитки, потянулся с поцелуем.

– погоди, мне надо тебе кое-что сказать. Пойдем, на лавочку сядем.

Сели на лавку, скрытую под нависшими над ней ветками отцветающей яблони. Он протянул руку, обнял ее за плечи, привлек к себе, снова потянулся с поцелуем.

– Стой... В общем, не буду вокруг да около – я беременная, Игорь.

Он хохотнул испуганно, неопределенно. Тряхнул за плечи, склонил к ней лицо:

– Ирк... Ты что, шутишь?

– Нет, какие уж тут шутки.

– Так. Вот это дела, значит. Но погоди... Ты ничего не путаешь?

Что-то сразу появилось в его голосе – озабоченно-отстраненное. Будто она пожаловалась ему на свою личную неприятность, не имеющую к нему никакого отношения. Словно совета попросила или помощи.

– Так...

Напрягся весь, убрал руку с плеча, сильно поелозил ладонями по коленкам. И снова спросил – тем самым голосом,

чужим, испуганным:

– Ну... А от меня ты чего хочешь?

Она молчала. Сидела, нахохлившись, как воробей. Чего она хотела? Да и сама не знала...

– Ирк, я тебе не говорил, завтра хотел... В общем, дело в том, что я в наш политехнический поступать передумал. Да и не я, в общем, это родители решили, что я в Москву поступать поеду, в Бауманку. В институт имени Баумана то есть. Там у отца какой-то знакомый в приемной комиссии работает, обещал все устроить. Уже на послезавтра на утро билет на самолет куплен. Я тебе не говорил, не хотел расстраивать.

– Ну, вот видишь. Получается, расстроил.

– Ну не надо, а? Понимаешь, я сейчас не готов к разговору. Давай так поступим: я после экзаменов приеду, и мы все решим. Хорошо?

– Хорошо.

– Нет, правда...

– Я верю, Игорь.

– Ирк, ты дрожишь... Замерзла совсем...

– Да. Я пойду, Игорь... Пока...

– Пока...

Ее и впрямь колотило мелким бесом, пока шла от калитки к крыльцу. Схватила рукой за дверную ручку, застыла на мгновение, боясь дышать. Все казалось – вот-вот окликнет...

Не окликнул. Скрипнула калитка. Ирина вздрогнула,

обернулась. Нет, всего лишь ветер... А у калитки никого. Ушел.

Тихо, на цыпочках, вошла в дом, пробралась в закуток, где для нее было отгорожено ширмой что-то вроде личного пространства – кровать, письменный стол, полка с книгами. Июньское раннее утро весело заглядывало в окно, ветер колыхал занавеску, приносил с огорода сладкие запахи вызревающей клубники и влажных от росы черносмородинных листьев. И свет от окна – розовый от зари... Утро, предназначенное для счастья, – звонкое, хрустальное. Оно таким счастливым и было – еще вчера...

Девушка выскользнула из платья, бросилась на кровать, завернулась в одеяло, как в кокон, с головой. Как противно, как оголтело кричат птицы! Тут жизнь кончилась, а они радуются... Да, именно так, кончилась. Если любовь завершилась предательством, как дальше-то жить?

Поплакать бы, да не получается. Пусто и гулко внутри, удары сердца звучат эхом в гулкую пустоту. Душа предательства не принимает! Да и где она, душа-то? Ау! Нет ее. Там осталась, в любви, проросла корнями, завтра уедет вместе с Игорем в Москву, поступать в Бауманку...

То ли уснула, то ли провалилась в зыбкую яму недоумения. Открыла глаза – солнце всю хозяйничает в комнате, под одеялом жарко, и пить ужасно хочется, и тошнит. А сделать усилие и встать с постели – сил нет...

– Ирк, хватит валяться-то, надо огород поливать! – загля-

нула в комнату мама, подвязывая косынку, туго обхватившую голову. — Я и без того тебя до обеда не будила!

— Я не могу...

— Что значит — не могу? А я могу?

— Хорошо, сейчас встану.

— Давай, давай... Вон, солнце на улице шпарит, без урояая останемся!

— Иду.

Девушка кое-как размотала кокон одеяла, встала, прошлепала босыми ногами на кухню, жадно припала к банке с квасом. От сковородки, стоящей на плите, пахнуло сытным мясным духом, и екнуло под ложечкой, перехватило горло тошнотным спазмом. Скорей отсюда! И впрямь, на воздухе лучше.

— Ирк, а ты когда документы в приемную комиссию сдавать повезешь? — поставив ведра с водой на землю и тяжело разогнув спину, спросила мама.

— Не знаю.

— А чего не знаешь-то? Может, завтра? Заодно бы и Снежанку взяла, сводила ее в цирк, она давно просится.

Сказать? Не сказать? Наверное, надо сказать... Да, надо. Странно, вроде и страха на душе нет. Ну да, откуда ему быть-то — души нет, то и страха нет. Одно горестно-тошнотное равнодушие внутри.

— Никуда я не поеду, вообще в институт поступать не буду.

— Здравствуйте, приехали! Это еще что за новости?

– Я беременная.

Интересно, чем она сейчас ее огреет? Коромыслом, что в руке держит, или лопатой? Лучше бы, конечно, коромыслом.

Дочь напрягла спину, вжала голову в плечи – инстинкт самосохранения сработал. И услышала, как мама то ли всхлипнула, то ли икнула, потом задышала тяжело, с перерывами:

– Так. Так... Доигралась со своей неземной любовью, значит. Добыла прибыток. Я ж тебе говорила. Что теперь делать-то будем, Ирка?

– Не знаю.

– Не знаю... А я знаю? Фу, погоди, дай отдышаться... А Игорь-то хоть знает иль нет? Сказала ему?

– Да. Вчера.

– И что он?

– Ничего. В Москву уезжает. В хороший институт поступать, там у его отца знакомый в приемной комиссии работает.

– Поступит, значит.

– Ага.

– Ну, я и говорю – с концами поступит твой Игорь. Только ты его и видела... Господи, ну ведь говорила тебе! Говорила или нет?

– Говорила.

– Что делать-то будем?

– Не знаю. Мне все равно. Ничего я теперь не знаю...

Видимо, слишком безысходно прозвучало ее «не знаю» –

мама вдруг встрепелулась, заговорила сердито-оптимистично:

– Ну, ничего, ничего! Погоди, еще не вечер. Ничего, придумаем что-нибудь. Иди в дом, водички попей, а то, гляди, в обморок упадешь. Надо же... А мне, дуре, и невдомек, чего ты в последнее время как в воду опущенная... Нет чтобы догадаться! Да разве о таком догадаешься.

Ни в этот день, ни в следующий больше к разговору не возвращались. Мама ходила по двору грустная, на дочь внимания не обращала, думала свою думку. А на третий день, придя с работы, села тяжело на кухонный табурет, кликнула ее из комнаты:

– Ирка, иди сюда, разговор есть.

У нее вдруг сердце заколотилось в странно-тревожном предчувствии. Села напротив, напряглась:

– Слушаю.

– Ну, в общем, так, Ирка. Ходила я сегодня к ним домой, только позору натерпелась. И что за люди, не понимаю...

– К кому ты ходила, мам?

– Да к родителям Игорька твоего, к кому еще! Правда, отца дома не было, он сынка самолично в Москву повез. Нет, мне говорили, что у нашего директора жена стерва, а я не верила! С виду эта Нина Вадимовна интеллигентная такая...

– Мам, зачем ты... Зачем ты к ним пошла?!

– Интересное дело... А ты как хотела? – удивленно подняла она глаза. – Значит, как ребенка делать, это ничего, нор-

мально, а как отвечать – так в кусты? Если они при должностях, так им уже все можно, да?

– Кому – им? Родители Игоря тут при чем?

– Нет, а я при чем? Я тебе мать, Нина Вадимовна – Игорю мать... Вот я и подумала... А она... Она со мной, представляешь, даже и разговаривать не стала. Не смейте, говорит, моему сыну судьбу портить, ему учиться надо. Как будто тебе не надо! Ощерилась на меня, главное, как тигрица. Теперь и думай, чем все это кончится! Уволят с работы, куда я пойду?

– Мам, ну зачем...

– Да ладно, хватит причитать – зачем, зачем! Как лучше хотела... В общем, так, я на обратном пути это... В нашу поликлинику зашла, к Наталье Сергеевне. Договорилась на завтра.

– Не поняла. О чем?

– Да не бойся, она специалист хороший, все аккуратно сделает! К тому же не болтливая, по поселку не развонит. Завтра вечером вместе и пойдем. Днем-то она не может, это ж вроде как внепланово, по большому благу. А утром проснешься – как новенькая, будто и не было ничего! Отлежишься денька два, и дуй в институт, документы подавать.

– Мам... Может, не надо?

– Надо, Ирка. Мне ж не поднять, тебя еще выучить надо. Да и Снежанку... Нет, тут и разговоров не должно быть. Хорошо еще, что Наталья Сергеевна согласилась. Ты, главное,

выспись в эту ночь хорошо, чтоб силы были. И не вздумай реветь, поняла? Если я тебя квелую приведу, она еще и отказать может!

– Хорошо.

Утром, дождавшись, когда мама уйдет на работу, Ирина сбежала к теткам, в город, оставив торопливую записку на столе – так, мол, и так, мам, прости...

Нет, вовсе не руководили ее поступком светлые да благородные помыслы. Если честно, вообще никаких помыслов не было, только страх – жуткий, неуправляемый, до конца не осознанный. Встала утром, собралась в дорогу. Автоматически. Хотелось узнать, что они скажут.

Тетки были в решении единодушны – надо рожать. Грех это – в таком возрасте аборт делать. Так и заявили на другой день к матери – втроем.

– Светочка, ну хочешь, мы Ирину к себе возьмем? И ребеночка воспитаем, мы еще в силах. Мы же понимаем, как тебе трудно, – заискивающе глядя на маму, тихо ворковала тетя Маша, возложив маленькие аккуратные ручки на грудь.

– Нельзя девочке судьбу портить. Ты же знаешь, как это плачевно может кончиться, – была более сурова тетя Саша. – А Маша права – мы вполне в состоянии прокормить и Ирочку, и ребенка.

– Да вы что, издеваетесь, что ли? – только и всплеснула руками мама, сердито глянув в их сторону. – Чего вы меня как мать позорите? Чтоб я от своего родного ребенка отка-

залась? Не бывать этому! Не пущу! Моя дочь, не ваша! Ишь ты, придумали... Думаете, я без вас не знаю, что опасно? Знаю! Да только... Если б я могла... Мне ж не поднять... У меня Снежанка еще.

– Да мы поможем! Ты на нас не сердись! Ну, может, ляпнули не то, прости!

– Мы поможем, – остановив взглядом сестру, деловито приступила к обсуждению материального вопроса тетя Саша. – Значит, так: все сбережения тебе отдадим. Это достаточная сумма, чтобы Ирина могла спокойно и выносить, и родить, с ребенком дома побыть, сколько положено, не чувствуя себя нахлебницей.

– Ой, да какой нахлебницей, не в этом же дело, – вздохнув и сразу как-то смягчившись, слабо махнула ладонью мама. – Вы сами-то поглядите, в каком она состоянии! Она ж любила его, этого подлеца! Все ж тут, на моих глазах, было. Как взрослая баба любила, по-настоящему. Я ж свою дочь знаю, так и будет до конца дней по нему сохнуть. А тут еще ребенок...

– Вот и хорошо! – улыбнувшись, просияла глазами тетя Саша. – Если ребенок есть, значит, и любовь в женщине не умирает! Без любви-то куда хуже, уж поверьте.

– Да, вам хорошо говорить! А ей какво потом, с пузом, по поселку шастать?

– Нормально она будет шастать, правда? С гордо поднятой головой! Она ж ничего не украла, честно решила родить, не

испугалась, не струсила! Ребенок – это же счастье, тем более от любимого. Рожай, Ирочка, не бойся ничего! Жизнь потом сама все по местам расставит.

– Так она уж расставила, жизнь-то, – снова грустно махнула рукой в сторону тети Саши мама. – Кому Москва с институтом, а кому сплошные проблемы! Я думаю, этот подлец уж никогда сюда и носу не покажет.

– Ну и не надо, раз так! – рубанула воздух ладонью тетя Саша. – И ты, Света, больше не ходи в тот дом, не унижайся! Раз отказались и отвернулись, значит, так тому и быть. Их дело, их грех, им перед богом отвечать! Наш будет внучок, сами и воспитаем. И все, и точка, на том и порешим!

Тетки уехали, а Ирина осталась. Жизнь потекла обыденная, домашняя, размеренно-тоскливая.

Поначалу ждала, конечно. Просыпалась, бывало, по утрам и думала – сегодня Игорь придет. Уже и август на дворе, все вступительные экзамены в институтах давно кончились. А однажды не выдержала, отправилась на другой край поселка, прошла мимо его дома, краснокирпичного особняка, обнесенного бетонным забором. Ничего, кроме этого забора, и не увидела. На обратном пути, как на грех, бывшего одноклассника Костьку Остапенко повстречала. Пришлось остановиться, перекинуться парой слов. Лучше бы и не останавливалась, мимо прошла...

– О! Ирка! А ты чего здесь?

– Да так. Погулять захотелось.

– А, понятно. Я думал, ты к громовским родителям в гости ходила. Не, а Игореха-то каков, а? Надо же, и не рассказывал ничего до последнего!

– О чем... не рассказывал?

– Ну, что в Москву поступать поедет! Все в тайне держал, про наш политехнический лапшу на уши навешивал. Но ты-то в курсе была, надеюсь?

– Я? Нет... Я не в курсе...

– Ну, ни фиги себе заявочки! Как это – ты и не в курсе? А мы все думали, ты в Москву за ним рванешь. Чего он после экзаменов не приехал-то? Хотя, конечно, что ему тут, с нами... Говорят, ему там отец квартиру снял, чтобы по общежитиям не мотался. Правда, нет? Ты, случайно, адресок его не знаешь?

– Не знаю, Кость.

– Да ладно, так и скажи, говорить не велено. А то вдруг кто в гости на халяву намылится. Живет же буржуазия, а? Квартира в Москве... Сама-то небось на каникулы поедешь? Девушка заставила себя улыбнуться, неопределенно пожала плечами, стараясь не глядеть Костьке в глаза.

– Ирк... А чего тебя как-то не видно последнее время? Ты куда поступила, в педагогический?

– Нет, Костька. Никуда.

– Ты? Экзамены завалила? Да не может быть...

– Я вообще не поступала. Я... Ну, в общем, неважно. Ты извини, Кость, я тороплюсь...

– Погоди, как же так...

Развернувшись, она быстро пошла, свернула в первый попавшийся переулок. Ступила в колдобину, нога подвернулась, болью схватило лодыжку... Так и хромала до самого дома, глотая слезы. Бросилась на кровать, расплакалась впервые по-настоящему. А проплакавшись, дала себе зарок – больше не ждать. Все. Не приедет он. Надо научиться – не ждать...

В сентябре потянулись дожди, серые, занудные. Мама ломалась в огороде одна, всячески отвергая ее желание помочь. На деньги, что дали ей тетки, купила новый цветной телевизор, усаживалась за него вечерами, покряхтывая от усталости.

– Ирк, иди «Рабыню Изауру» смотреть, интересно же!

– Не хочу. Я лучше книжку читаю.

– Ну-ну, читай...

Она и в самом деле много читала – как-то отвлекало от грустных мыслей. Увлеклась историческими романами, благо тетя Саша привезла целую кучу. От Генриха Сенкевича переходила к Алексею Толстому, от Мориса Дрюона – к Виктору Гюго. Правда, те места, где описывалась любовь, старательно пропускала. Не могла она читать про любовь. Сразу вспыхивало в груди что-то, похожее на раздражение, перетекало в боль-обиду. А потом и это прошло. Так, осталась тлеющая нытьем память, похожая на равнодушие к своей дальнейшей женской судьбе...

С октября живот сильно вырос, начал ходить ходуном. Однажды мама, глядя на нее, вдруг произнесла пугливо:

– Ой, Ирка... Вдруг у тебя там двойня? А что, вполне может быть. Как раз через поколение. Александра-то с Марией – двойняшки! Ой, не дай бог... Ты как, не боишься?

– А чего уж теперь бояться, мам? Пусть будет двойня. Да хоть тройня, мне все равно.

– Ишь! Ты мне это брось, все равно ей! Что это за тоскливые разговоры? Ничего, ничего, вот родишь, оклемаешься немного, а там и жизнь наладится. Эх, надо было тебе нынче хоть на заочное поступить! Что-то растерялись мы со всеми делами...

– Не хочу, мам. Ничего не хочу.

– Все об Игорьке страдаешь, что ли? Да брось, забудь. Нельзя тебе сейчас в тоску впадать – для ребеночка вредно. А может, и для двоих ребеночков, кто ж его знает... Мне Наталья Сергеевна недавно рассказывала, что за границей сейчас ультразвуком беременных проверяют, и вроде сразу видно, кто там да что. Говорит, через пару-тройку лет и у нас так будет. А пока – только догадывайся! Ты, когда на прием к ней пойдешь, расскажи на всякий случай, что в родне такие случаи есть.

– Хорошо. Расскажу.

– И живот у тебя для срока большой... Ой, не знаю, не знаю... На двоих-то и траты двойные...

Она родила в начале февраля – двойню. Роды были труд-

ными, изматывающими, и девчонки родились слабенькими, общим весом и на четыре килограмма не потянули. Провалылась в роддоме почти месяц, вышла худая, изможденная, даже и не поняла поначалу, что на улице весеннее мартовское солнышко светит. Близняшек назвала Сашей и Машей, в честь теток – они, когда узнали, прослезились от радости. И мама против имен не возражала. Все-таки тетки, надо отдать им должное, решающую роль в их появлении на свет сыграли, то есть сермяжно-материальную.

Ох, и трудно им с близнецами пришлось, как мама говорила – хватанули заботушки... Чем только не переболели, если вспомнить. Даже пневмонию пережили – сколько бессонных ночей у двух кроваток провели, сколько отчаянных слез от страха за них пролили! И теткам спасибо – наведывались каждый выходной. Однажды даже консультацию у заезжего профессора устроили – через знакомых. Ирина до сих пор помнит, какие слова тот профессор сказал... Все дети, мол, делятся на больных и здоровых. Больные – это те, кем занимаются озабоченные родители, а все остальные – здоровые... Так что вы, мамы-бабушки, не волнуйтесь, хорошие детки, выправятся.

Они и впрямь к двум годам выправились, крепенькие стали, как белые грибочки. Русоголовые, синеглазые – в отца... – Надо же, ничего от нашей породы нет! – горестно сокрушалась мама, разглядывая личики спящих в кроватках девчонок. – Вот же несправедливость какая, правда? Ну все, все

Игорево – и носы, и лбы, вон, даже родинка у Машки над губой такая же... Прямо двойная копия, ни дать ни взять!

– Мам, не надо про Игоря. Пожалуйста.

– А я что, я ничего... Так просто, к слову. Надо бы им новые курточки на весну купить. Вот сейчас проснутся, и покатаем с коляской в универмаг. На улице хорошо – солнышко светит, заодно и прогуляемся.

Если б она знала, чем обернется эта прогулка... Вообще она со двора редко с девчонками выходила, как-то вся жизнь внутри дома вертелась. В коляске спали – во дворе, учились ходить – тоже во дворе, топтались шустрыми ножками по зарослям аптечной ромашки. Два года пробежали – как один суматошный день...

А тут взяли и вышли в люди. Завалились всем табором в универмаг, затеялись с покупкой новых одежек, всех продавщиц переполошили. Пока примеряли курточку на Машку, Сашка успела в игрушечный отдел уплестись. Пока вылакивали ее оттуда с ревом, Машка куда-то исчезла. Нашли за кронштейном со взрослой одеждой – все ярлыки с ценниками успела оборвать.

– Ой, Ирка! – утерла ладонью взмокшие щеки мама. – Ты пока иди с ними на улицу, а я у кассы рассчитаюсь.

Вышли на асфальтовый пяточок около универмага. Девушка склонилась, чтобы поправить на Машкиной шее шарфик, и вдруг услышала за спиной:

– Здравствуй, Ирочка...

Распрямилась, оглянулась. О господи... Нина Вадимовна, мама Игоря. Сердце дрогнуло в испуге, шмыгнуло от живота к горлу.

– Здравствуйте...

Нина Вадимовна во все глаза смотрела на девчонок. Было заметно, как волновалась, как дрогнули губы в улыбке-судороге. Спросила тихо, будто захлебнулась вопросом:

– Как их зовут, Ир?

– Маша и Саша...

– Маша и Саша, – эхом повторила за ней Нина Вадимовна, медленно подтянув ладонь к дрожащим губам. – Машенька и Сашенька, значит... А... Отчество какое?

– Андреевны они, Нина Вадимовна. Моего отца Андреем звали. И на фамилию свою записала – Захаровы.

– Да? Ну да, конечно. Я понимаю... Но они же... Как две капли...

В следующую секунду девушка и не поняла толком, что произошло. Видимо, Нина Вадимовна решила присесть перед девчонками на корточки, чтобы заглянуть поближе в румяные личики, да не получилось этого простого упражнения. А может, ноги от волнения ослабели, только не на корточки женщина присела, а плюхнулась на колени, прямо на грязный асфальт, безнадежно испачкав полы светлого дорожного пальто.

Ирина совсем растерялась, оторопела. Вспомнилось вдруг из прошлого – да, у мамы Игоря ноги больные, какая-то бо-

лезнь коленных суставов, труднопроизносимая. И еще почему-то в голове пронеслось некстати – Карловы Вары. Да, именно Карловы Вары. Туда она все время на лечение ездила и Игоря с собой забирала. Как она не любила, помнится, эти неведомые Карловы Вары, которые забирали у нее на долгие летние месяцы Игоря!

Опомнилась, бросилась к ней, неуклюже подхватила за локоть, потянула вверх:

– Я вам помогу, Нина Вадимовна! Вы пальто испачкаете!

– Погоди, Ирочка... Боже, как они на Игоря похожи, одно лицо... Машенька, Сашенька...

Протянула ладонь, коснулась дрожащими пальцами сначала Машкиной щеки, потом Сашкиной. Девчонки разглядывали странную тетю с удивленным интересом, помалкивали, прижавшись друг к другу. Машка, подумав, вообще спрятала лицо, уткнувшись в Сашкину шапку. Она вообще была более трусоватая, с детства.

– Давайте я вам помогу встать, Нина Вадимовна! – все тянула Ирина ее за локоть. – Вам же неудобно – на коленях! И пальто...

– Эт-то что у нас тут происходит, интересно? – загремел за спиной мамин возмущенный голос. – Что это за картина маслом, а, я не поняла?

– Вот... Нина Вадимовна...

– Вижу, что Нина Вадимовна. А отчего ж на коленях, а не на голове? Могла бы и на голову встать, отчего же нет-то?

Ишь, бесплатный цирк устроила, на колени бухнулась! Ну-к, Ирка, забирай детей, пойдем отсюда...

Мама решительно подхватила девчонок, пошла прочь, шурша пакетом с покупками. Нина Вадимовна жалко засу-етилась, запыхтела, с трудом поднялась, опираясь о ладонь девушки. И тут же ринулась вслед за мамой, растерянно бормоча и протягивая руку, как нищенка:

– Погодите... Погодите, Светлана Васильевна, прошу вас... Еще одну минутку можно... Посмотреть...

– А чего на них смотреть-то, они картины вам, что ли? Не надо на них смотреть, коль в свое время отказались! Ишь, посмотреть... Не маялись, не растили, не интересовались даже, а тут выскочили – посмотреть! Ирка, не отставай, чего там застряла? Пошли, не оглядывайся, и без того в универ-маге задержались, детей кормить пора!

Ей ничего не оставалось, как догнать маму, подхватить Машкину ручонку. Оглянулась... Нина Вадимовна так и стояла на месте, протягивая им вслед руки. Мама перехватила ее суетливое движение, шикнула злобно:

– Не оглядывайся, кому сказала! Пусть теперь стоит, смотрит! А лучше в магазин идет, новое пальто покупать... Все изгваздала, дорогое, поди! Ничего, ничего...

Весь остаток дня мама пробыла в приподнято-мстительном настроении. Улыбалась сама себе, хмыкала самодовольно:

– Ишь, на коленки в грязь плюхнулась... Понятное дело,

кровь-то родная – не вода... Прошибло, значит.

– Мам, у нее ноги больные. Она не хотела, так получилось.

– Ага, давай пожалей ее, бедненькую! Чего жалеть-то? Сама виновата! Права, права была твоя тетка! Их дело, их грех, им перед богом отвечать! Вот пусть перед ним и падают на коленки, грехи замаливают! А Нина Вадимовна твоя пусть вспомнит, как мне на дверь указала! Думаешь, мне тогда не обидно было? Бог-то не ермошка, видит немножко!

А через три дня, уже в сумерках, остановилась у калитки машина. Мама выглянула в окно, проговорила испуганно:

– Глянь, Ирк, какие к нам гости пожаловали...

– Кто это, мам?

– Не видишь, что ли? Игорек твой разлюбезный, собственной персоной, вместе с родителями.

– Игорь?! Не может быть...

– Да ты что, ослепла со страху? Да вот же он, в калитку шагнул, видишь? А какой вальяжный стал, совсем городской... Одежка-то какая модная... Хоро-ош, зараза!

– Мама! Мам... Скажи им... Скажи, что меня дома нет...

– Ну, чего ты заметалась, как курица? Ишь, с лица сразу спала... Давай уж, поговорим с ними, коли такой чести удостоились.

– Нет. Нет! Не могу...

Умчалась в свой закуток, сунулась в промежуток меж детских кроваток, присела на корточки. Машка с Сашкой мирно спали, посапывали тихо, и невдомек им было, что мать

нервной дрожью исходит, хватая ртом воздух, болезненно прислушиваясь к начавшемуся в горнице разговору.

– ...Да он сам приехал, Светлана Васильевна, никто его на аркане не тянул! Игорь, скажи...

Это Владимир Сергеевич, отец Игоря. Голос властный, начальственный. И в то же время виноватый, даже заискивающий немного.

– ...Давайте отнесемся к ситуации взвешенно, без эмоций: да, мы очень виноваты перед вами, это мы ему условие тогда поставили. Но вы тоже нас поймите, он же у нас единственный сын! Поздний ребенок, все на нем сошлось, весь смысл жизни. Да, испугались за его будущее, смалодушничили... Такой момент определяющий был – поступление в институт...

– Ага. Определяющий. А у Ирки моей, значит, не определяющий. Вашему сыну все, а моей дочери ничего, таковская была, да? Уехал, забыл? С глаз долой, из сердца вон?

– Он не забывал, Светлана Васильевна. Это мы... Это из-за нас все... Условие поставили...

– Да катитесь вы со своими условиями знаете куда? У меня тоже Ирка не на помойке найденная! Она, может, сейчас тоже бы в институте училась! Условия у них, надо же!

Боже, ну зачем... И тон голоса злой, скрипуче-сварливый.

– Простите, простите нас, Светлана Васильевна... Умоляю...

А это уже голос Нины Вадимовны, высокий, со слезой.

А Игорь почему-то молчит, ничего не говорит. Или они в самом деле его на аркане сюда притащили?

— А можно нам с Ирочкой поговорить, Светлана Васильевна?

— Да уж не знаю, захочет ли видеть вас моя дочь...

Всхлипнула, то ли усмехнулась, то ли икнула через нервную дрожь. И впрямь — смешно и неловко слышать мамино горделивое высказывание. Прямо по тексту «Бесприданницы» у Островского, ни больше ни меньше: там Харита Игнатьевна Огудалова тоже этак Паратову гордо в лицо бросила — уж не знаю, захочет ли видеть вас моя дочь...

— Где она, Светлана Васильевна?

Игорь... Его голос. Обхватила себя руками, пальцы клещами вжались в плечи. Надо унять дрожь, встать с корточек, плечи расправить, насмешливо и гордо глянуть ему в лицо. Как Лариса, которая бесприданница. Да, насмешливо и гордо. Ступай, мол, отсюда, не смей со мной даже разговаривать и на девчонок не смей смотреть. Это мои дети, только мои. А ты... Ты предатель и больше никто. Я же так тебя любила...

Не встала она с корточек. Не смогла. И дрожь унять не смогла. Слегка колыхнулась занавеска, отделяющая ее закуток от горницы, впустив на секунду сполох электрического света. Игорь стоял, вглядываясь в темноту, потом неуверенно шагнул к кроваткам...

Она тихо заскулила, заплакала, не в силах справиться с

хлынувшей из сердца болью. Игорь вздрогнул, шагнул к ней, опустился на колени:

– Ир, прости... Ну не плачь, пожалуйста. Я и сам не могу понять, как так вышло... Струсил, уехал, а потом... Показалось – все, обратной дороги нет. Показалось, глупо и поздно – через время...

– А... А сейчас что, не поздно? – вытолкнула из себя вместе со слезной икотой.

– Да я все понимаю. Наверное, если рассудить по справедливости, то поздно, конечно. А только... Не могу без тебя, Ирка, не могу! Люблю я тебя, понимаешь? Тебя одну...

Вздохнул и обнял в порыве, вжался лицом в шею. Она вдруг почувствовала, какой у него горячий лоб и щеки мокрые. А руки холодные, почти ледяные. И как у него сердце стучит – тяжелыми болезненными рывками. Хотела оттолкнуть, да тело вдруг стало вялым, никчемным, и вздохнули оба в унисон, на слезном горячем всхлипе...

Закряхтела, завозилась Машка, потом села в кроватке, потянула хриплым баском, просыпаясь:

– Ма-ма-а-а...

Сашка, конечно, тоже проснулась, подхватила Машкино тягучее – «а-а-а...».

Зажегся в каморке свет, мама первая ворвалась, привычно сюсюкая:

– Тихо, тихо, мои ласточки...

И остановилась как вкопанная, глядя на них, сидящих на

полу меж кроватками. Обернулась к застывшим в проеме родителям Игоря:

– Нет, вы только посмотрите на них...

И голос Владимира Сергеевича сверху, довольный, с нотками счастливого облегчения:

– Ну, я думаю, и так все понятно. О чем тут еще говорить, Светлана Васильевна? Сами ж видите...

Мама хмыкнула, потянулась руками к орущей в кровати Машке, но Нина Вадимовна опередила ее, вынырнула из-под руки:

– Ой, а можно я, Светлана Васильевна...

Выудила Машку, с великой осторожностью прижала к себе, поддерживая рукой затылок со спутанными влажными волосенками. Машка даже орать перестала, глядела из-за ее плеча на бабуку удивленно – чего это, мол, со мной тут, как с трехмесячной...

Сашка же, наоборот, довольно ловко устроилась на руках Владимира Сергеевича, пялилась глазками-пуговками в его улыбающееся лицо. Потом протянула ладошку, мигом сорвала очки с глаз, отбросила в сторону – мама едва успела поймать на лету...

– Давай! Все правильно, внучка! – зашелся счастливым смехом Владимир Сергеевич. – Глянь деду прямо в глаза – где это ты так долго пропадал, поганец бессовестный?

– Вы чего там расселись-то? Вставайте, – проворчала мама уже не сердито, а с явно утоленной досадой. – Пойдем,

что ли, стол накроем...

Потом, проживая годы в счастливом браке, она часто вспоминала тот вечер-счастье. Никогда, ни до, ни после, Ирина не чувствовала себя такой остро-счастливой...

Родители Игоря сразу забрали ее с девчонками к себе, даже свадьбу сыграли, торопливо-скороспелую, но по всем правилам. И в ЗАГС успели сходить, пока сын в Москву не уехал. Он рвался семью забрать, да родители отговорили – лето на носу, зачем детей в каменный душный мешок запирать? Пусть по травке побегают, порадуют деда с бабкой. Вся жизнь впереди, успеете еще, в городе наживетесь.

Новоявленная свекровь обходилась с девушкой, как с драгоценной хрустальной вазой – трепетно и с восхищенным испугом. Даже подарки норовила преподносить так, чтоб не выглядело компенсацией за обиду: «Ирочка, избавь меня от этого колечка, оно мне мало...», «Ирочка, директор универсама для тебя шубку по благу отложила, неудобно отказывать, она ж моя приятельница...»

Ну и Ира старалась, конечно, быть хорошей невесткой. Даже что-то вроде соревнования вышло – кто раньше встанет, чтобы Владимира Сергеевича завтраком накормить. И по дому все старалась делать сама – помыть, постирать, погладить. Правда, в одном только не уступила – когда речь о поступлении в институт зашла. Родители Игоря настаивали на очном обучении, но она все равно подала документы на заочный, в педагогический, побоялась их заботами обре-

менить. Все-таки не молодые уже, им трудно будет с девочками. Да и ноги у Нины Вадимовны больные.

Когда на очередную сессию уезжала, места себе не находила – как они там? Однажды в помощь Нине Вадимовне няньку наняла, добрую старушку Елену Родионовну. Еще смеялись – судя по имени, просто классическая нянька! Так и прозвали ее – Арина Родионовна. Правда, однажды с этой нянькой казус вышел довольно неприятный. Ирина и предположить не могла, как этот казус отразится на ее судьбе, какие разногласия у них с Игорем вызовет.

А дело было так. Нина Вадимовна ушла в поликлинику, оставив детей с милейшей старушкой. Планировала свое отсутствие на два часа, но так случилось, что задержалась надолго. Вернулась – двери дома распахнуты настежь. Сердце у нее так и обмерло. Вошла в дом, глянула – милейшая нянюшка Елена Родионовна дрыхнет в кресле, мирно посапывая. Растолкала ее, спрашивает – что случилось, где дети? А та спросонья не понимает ничего, плывет взглядом. При чем сильно плывет, никак его на бедной Нине Вадимовне сфокусировать не может. Кинулась бабушка на второй этаж, пробежалась по спальням, – нет детей, след простыл! Трясущимися руками набрала номер Владимира Сергеевича...

Вскоре нашли беглянок. Ни много ни мало – на речном берегу. Они, стало быть, купаться отправились, соплюхи несмышленные. Хорошо, в воду не успели залезть – течение у речки в том месте довольно проворное, да и берег обрыви-

стый, каменистый. Владимир Сергеевич даже шлепнул Сашку в сердцах! Как выяснилось, она все это дело спроворила и Машку за собой утянула. Даже с дверным английским замком сумела справиться, пока нянька мирно спала! А у Нины Вадимовны, как внучек живыми и невредимыми увидела, запоздалая слезная истерика случилась – бог знает что могло произойти, задержись она в поликлинике еще на полчаса.

С нянькой, конечно, был разговор особый. В гневных эмоциях Владимир Сергеевич сдержался – все-таки Елена Родионовна была пожилой человек, нехорошо как-то. Указал на дверь довольно вежливо – спасибо, мол, мы в ваших услугах больше не нуждаемся. И той бы раскаяться, уйти с миром, да не тут-то было... Старушка вдруг станом выпрямилась, обвинительную речь толкнула. Чем свою оплошность оправдала – и в голову не придет! Тем, что хозяева бар с напитками «на ключ не замкнули»! Так и провозгласила в хмельном гнев – сами, мол, виноваты, искусили меня «барской жизнью». Где это видано – столько заморской выпивки в доступном бесхозном виде годами стоит. Потому я и выпимши, что ж тут удивительного?

Ахнули, заглянули в бар. И впрямь все бутылки ополовинены. А старушка им в спину еще и оправдывается – «да вы не переживайте, я ж по чуть-чуть... Нешто цены вашей выпивке не понимаю? Да и меру свою знаю, где мне зараз всю бутылку прикончить, я ж не мужик... Поманеньку я, поманеньку, токмо заморский скус для себя прояснить!». Нина

Вадимовна в ужасе схватила за голову – вот тебе и «скус»! Выходит, на пьяную няньку детей оставляла, и не раз? Все, как по Пушкину – «выпьем, няня, где же кружка?».

В общем, отставку ей дали, а им с Игорем решили об этом факте не рассказывать. Но на то он и факт, чтобы обязательно выплыть наружу при случае. Видимо, Елена Родионовна не смогла обиду при себе держать, раззвонила по поселку, как эти «баре» жестоко с ней обошлись. И до мамы звон докатился, конечно же. Она и рассказала потом, во всех подробностях – и про «бар», и про речку, и про Нины Вадимовны истерику... Да ладно бы – ей! Она ж Игорю рассказала! Надо полагать, не без тайной подоплеки. Вроде того – если бы внучки со мной жили, такого и близко бы не случилось.

Да, не обошлось без душка запоздалой ревности. Не смогла она обиду изжить, хотя виду особо не подавала. Так, хмыкнет иногда, сморщит в ревнивой насмешке губы, пробурчит чего-нибудь неопределенное, вроде того – совсем родной матери отставку дала, в гости не дозовешься... Или – быстро, мол, ты забыла свои страдания! Скачешь перед ними, как егоза, глаза б мои не смотрели!

Ну, ей простительно. Каждая мать своего ребенка к самостоятельной жизни ревнует. Хотя никогда в этом и не признается и сама себе отчета не даст.

– А ты, Ирочка, совсем на маму не похожа, – однажды незлобиво разоткровенничалась Нина Вадимовна. – Знаешь, есть в тебе порода, сразу чувствуется. Ты скорее в тетушек –

и статью, и спокойным достоинством.

— Нет. Тетки говорят, я на отца похожа. Только не помню его совсем.

— Ну, видишь, как в жизни бывает: отца не помнишь, зато хорошие гены достались. А это уже немало, поверь мне.

Такой вот комплимент подарила, вполне от души. Хорошо, что мама не слышала.

Когда Игорь институт окончил, Владимир Сергеевич аккуратно на пенсию вышел. Решили продавать дом, уезжать из поселка, перебираться в областной город. Тем более время подошло непонятное, беспокойное — середина девяностых годов. Люди, кто поумнее да посмелее, бизнесом занялись, ковали светлое будущее не столь для себя, сколь для детей. А у Владимира Сергеевича в городе кое-какие связи остались, на самом высоком уровне, не зря всю жизнь в директорах да в начальниках проходил.

Переехали, купили вот этот дом — по тем временам вполне претенциозный. Игорь открыл свое дело — сначала под руководством отца, потом и сам вполне освоился. Жили дружно, одной семьей, в полной гармонии и согласии. А через три года горе в дом пришло, как всегда, неожиданно — случился у Владимира Сергеевича обширный инфаркт, даже до больницы не довезли. И Нина Вадимовна всего на год мужа пережила, истаяла от горя, как свечка. Врачи помочь не могли, говорили, раковая опухоль развилась, и руками разводили — ничего не поделаешь, мол, психосоматика...

Умирая, свекровь же ее и успокаивала – ничего, Ирочка, все хорошо. Слава богу, мой мальчик в хороших руках остается. Я так благодарна судьбе, что хорошую жену ему послала! Береги его... Люби...

Никогда меж ними не было разговора о тех трех окаянных годах предательства – ни словом, ни половиною. Будто и не было их совсем. Иногда ей казалось – и правда не было.

* * *

Ветер толкнул балконную дверь, по-хозяйски прошелся по комнате, плеснул запахом сентября – острым, дымно-вкусным. Провел по лицу прохладной ладонью и улетел, маня за собой – чего сидишь, задумалась о прошлом. Там, на воле, так хорошо! Там – настоящее! Ты же любишь сентябрь, правда? Сосны шумят, трава волной стелется, и кажется, скоро дождь соберется: недолгий, сильный, грибной. А после него опять полезут – только успевай собирать! Ты же так любишь бродить по лесу с лукошком...

Улыбнулась, прикрыла глаза. Счастье ворохнулось внутри щекотливо, для полноты ощущения и впрямь потянуло на воздух, на балкон. Можно и там письмо дочитать, сидя в плетеном кресле-качалке и вдыхая изысканные осенние запахи. Вышла, подняла глаза к небу – красота! Была бы художником, картину бы написала – в преддверии дождя. Все бы описала! Как в прорехи набежавших синих облаков прогляды-

вают непокорные, расходящиеся веером лучи солнца, придавая стволам сосен особенную окраску, яркую, охряную – глаз не оторвать; как побежала короткая тень по стволам, закрылась прореха в синем, последний луч вспыхнул на верхушке самой большой сосны и исчез. Ну же, давай, дождь, сейчас твоя сольная партия! Слышу, идешь, подступаешь запахом озоновой влаги – сейчас, сейчас...

Оп, оп! Ударили первые капли-разведчики, зашелестели в траве, с каждой секундой – шибче, норовистее, потянули с неба длинные нити серебра. Кажется, можно протянуть ладонь, ухватить, намотать на палец...

Села в кресло-качалку, оттолкнулась ногой, поплыла в звуках и запахах, рука с письмом свесилась бессильно вниз. Наверное, со стороны она сейчас напоминает мечтательную чеховскую барыньку, только кружевной тальмочки на плечах не хватает да высоко убранных локонов. Ах, сад мой, сад... Вернее, лес мой, лес. Все-таки хорошо, что они участок сохранили в природной первозданности, не стали переделывать на «аглицкий» манер. Сейчас дождь пошумит и уйдет, и снова солнце озолотит мокрые стволы сосен, от травы поднимется легкий туман... Какая она стала сентиментальная, однако! Наверное, от того, что слишком откровенно, до безобразия счастлива в своем семейном гнезде.

Вероятно, Игорь тогда был прав, когда настаивал на ее роли хранительницы гнезда. Сейчас даже вспоминать неприятно про ту ссору, про ее отчаянное слезное сопротивление.

– Зачем я тогда училась, на сессии ездила, диплом получила? Чтобы его в рамочку заковать и на стену повесить? Я работать хочу, Игорь! У меня тоже есть потребности в самореализации!

– Хм... А дети? Ты о них подумала?

– Конечно. Мы им гувернантку...

– Очередную Арину Родионовну, да?

– Да при чем тут... Зачем только на плохое ориентироваться? Мы хорошую найдем, с педагогическим образованием, она их и к школе подготовит!

– А зачем гувернантка с педагогическим образованием, если у детей мать-педагог?

– Вот сама и подготовишь, и диплом зазря не пропадет. И самореализуешься заодно.

– Но, Игорь...

– Нет, Ирина. Не спорь. Глупо не быть хорошей матерью, если у тебя есть такая возможность.

– А что, все работающие матери – плохие матери? Что за странный критерий?

– Это не критерий, а горькая правда жизни. Так уж в нашем обществе женская жизнь устроена, и ничего с этим не поделаешь. Ты или хорошая мать, или хороший работник. Я понимаю, когда у женщины выбора нет, а у тебя есть. И у меня – тоже. Вот я его и сделал.

– И на каком таком основании ты взял на себя право делать его за меня?

– На том основании, что я – мужчина. И не просто мужчина, а твой муж. Отец наших детей. И все, закончим на этом...

Ушел, рассердился, хлопнул дверью. А она осталась в обиженном смятении – впервые поссорились. И тем более непривычно было осознавать, каким неожиданно раздражающим оказалось чувство смятения. Не устраивалось внутри, выплескивалось наружу – надо же, какой стороной характер Игоря повернулся! Деспот нашелся, надо же! Муж и отец! А она тогда – кто? Послушная женушка, покорная Гюльчатай? Может, еще паранджу надеть и из дома ни ногой?

Так и отправилась со своим возмущением к теткам – поддержки искать. Думала – хоть они поймут.

Не поняли. По лицам было видно! Хотя и выслушали внимательно. Тетя Саша переглянулась с тетей Машей, сурово поджала губы:

– Ты можешь обижаться на нас, девочка, сколько угодно, но твой муж, к сожалению, прав.

– В чем он прав, тетя Саш? В том, что требует от меня жертвы?

– Хм... А что ты подразумеваешь под жертвенностью?

– Но как же... Я тоже человек, тоже в чем-то реализовать хочу. И вообще, что за домострой? Я уж не помню, кто это сказал, но что-то вроде: удел женщины – кухня, дети и церковь, да? Вы тоже так считаете? Разрешили женщине себя в жертву отдать, и радуйся? И более того – приказали? Жена да убоится мужа своего?

– Ну, ну, развоевалась! Мы сейчас не о деспотизме говорим, а о целесообразности. Убери свою пылкость, спрячь подалее и попробуй рассуждать здраво.

– А здраво – это как? Склонить голову, улыбнуться и смириться? На, мой дорогой, ешь меня с хлебом и с маслом? Вернее, не с маслом, а с моей жертвенностью?

– Вообще-то жертва жертве рознь. Иногда жертва – это и есть самореализация, если отбросить в сторону глупые амбиции. Сейчас вообще модно говорить об амбициях, подавать их, как острый соус к той самой пресловутой самореализации. Так работодателю-капиталисту легче облагородить жестокую потогонную систему, чтобы забрать человека целиком. Чтобы он себе ничего не оставил – в том числе и жертвенности ради семьи.

– Ну, может, и так. А только все это философия, тетя Саш. Тем более я не собираюсь к капиталисту наниматься, я по профессии всего лишь школьный учитель истории. На этом поприще мне карьерный рост не грозит. Значит, и амбиции не нужны. Я просто дома сидеть не хочу, только и всего. Я хочу, как все...

– А зачем как все? Это для тебя так важно? Вон, даже выражения употребляешь всеми избитые – самореализация, жертвенность... Ты же у нас цельная натура, Ирочка, живи своей головой!

– В данном случае мне предлагается жить головой мужа...

– Вот! Именно этот момент тебя и напрягает, что вроде

как место указали, да? Надо обязательно революцию объявить? Вставай, проклятьем заклеяменный? Да как ты не понимаешь, что твоя жертва может быть в сто, в тысячу раз ценнее победы-самореализации? Если на чаше весов взвесить.

– Нет, но как же...

– А вот так! Вот представь, вышла ты на работу, учительствуешь, а дети в это время дома – с гувернанткой. Кто такая эта гувернантка? Чужой, по сути, человек. И тоже, стало быть, самореализуется – на детях твоих. Как – это уже другой вопрос. Ладно, приходишь вечером домой, злая, раздраженная...

– Да почему?! Совсем необязательно!

– Так ты же хочешь, как все. Вот я и рассказываю, как это у всех бывает. Ну, или почти у всех, с редкими исключениями. Рабочая жизнь, она ведь свое берет. Особенно женщину в свой плен полностью забирает. И приходит бедная мамашка домой – с мыслями о работе: что успела сделать, что не успела, за что завтра от начальника нагоняй перепадет. Думает о работе, с мужем говорит о работе, подругам в телефонную трубку жалуется – на работу. А самое главное – на детей выплескивает энергию работы. Куда же ее еще выплеснешь? Вот и выливается на них посредством раздраженных воспитательных монологов. Бедная, не понимает, что творит! Еще и героиней себя считает – посмотрите на меня, какая я уставшая, но гордая: и работаю, и детей воспитываю!

Разве не так?

– Ну, в общем... – медленно, раздумчиво проговорила она. – Если детство вспомнить... Я всегда старалась маме на глаза не показываться, когда она с работы приходила. Да, все так. Но с другой стороны, все равно женщина должна во что-то вкладываться, не только в дом и детей!

– Хм, вкладываться... Хорошее слово. Это значит, делать вклад, отдавать свой природный ресурс. В работу – вклад, в детей – вклад. Пополам, значит. А на деле – ни там, ни сям. В твоей профессии такая половинчатость – вещь тоже опасная. Или ты педагог, или педагог наполовину – есть разница? Я уж не говорю про детей – чего стоит иным семьям эта половинчатость.

– Ой, какую вы безрадостную картину нарисовали! Сейчас все так живут, господи!

– Вот именно – все. И ничего с этим не поделаешь, время такое. Жестокое поколение вырастает, дополнительной порцией любви не избалованное. Откуда ей взяться, дополнительной-то, если мать вынуждена о материальной стороне жизни больше думать? И это вполне оправданно – без материальной стороны тоже никак не обойдешься. Иногда она совсем уж безысходной бывает, не спорю. Тут ничего не попишешь. Но если ее нет, этой безысходности? Вот как у тебя, например?

– Ну, знаете! При чем тут... Тогда вернемся к домострою, и любую женщину, у которой безысходности нет, заставим

дома сидеть! Просто из принципа! Потому что она женщина, что с нее возьмешь, да? А может, во мне талант педагога пропадает, вы об этом не думали?

– Ну да... Талант педагога, это конечно... Наше образовательная система наверняка твоим талантом спасется.

– Не понимаю вашей иронии, тетя Саш. Вы меня обидеть хотите? Или совсем в меня не верите?

– Да бог с тобой, девочка, – вступила вдруг в их диалог до сих пор молчавшая тетя Маша. Она почему-то всегда молчала, когда говорила сестра. – Саша вовсе не хотела тебя обидеть.

Обе повернулись к ней удивленно. Тетя Маша смутилась, отвела взгляд к окну. И в который раз Ирина поразилась этой разнице характеров теток-близнецов, точь-в-точь как у девчонок! Сашка – смелая говорунья, а Машка – тихая скромница. Но, странное дело, всегда последнее слово почему-то за Машкой остается!

– ...Наоборот, мы очень в тебя верим! И относительно таланта – он ведь штука всеобъемлющая, знаешь ли. А женский – тем более. Для женщины самый наивысший талант – это ее талантливое сердце, предназначенное семье и дому. Создать дух семьи, дома, выстелить любовью будущее своих детей – это не каждой дано, поверь. Кому не дано, те на работу бегут, самоутверждаются в лихорадке. Тут Саша права. А тебе – дано. Я знаю, поверь мне. И твой муж знает.

– Ну да. Так оно и есть, в общем, – удовлетворенно кив-

нула головой тетя Саша. – В этом я и пыталась тебя убедить, да без толку.

– Почему же без толку, тетя Саш, не без толку. Знаете, от меня как-то отхлынуло. Может, вы и правы. И Игорь – прав. По крайней мере истерик насчет работы я ему больше устраивать не буду. Как вы сказали, тетя Маш, – быть духом семьи тоже своего рода талант?

– Да, девочка, – и талант, и работа. Не самая легкая, между прочим. И успехов тебе на этом поприще.

Ловко они ее тогда убедили. Вдохновили на подвиги, можно сказать. А что – старалась, видит бог. В стараниях и втянулась, и даже полюбила «домохозяйскую» стезю. Есть в этом что-то, определено. Всю себя семье посвятить, до конца, до капельки. Да, это не жертва, а способ самореализации. Хорошая мысль, между прочим!

Так. Мысли мыслями, а надо бы письмо дочитать. А то нехорошо получается, непоследовательно – открыть открыла, а до конца не дочитала. М-м-м... На каком месте остановилась, уже запомнила... А, вот тут. «...Да, слава богу, у девочки нашей все хорошо. Но знаешь, Аннеточка, мы с Сашенькой оконечного за нее покоя так и не имеем – каждую секундочку боимся: не дай бог, она узнает о том обстоятельстве. Помнишь, я тебе писала, давно еще? Но Света мне клятвенно обещала, да и не в ее интересах, в общем...»

Кресло скрипнуло, остановилось. Строчки вдруг заплясали перед глазами, потерялась нить письма. Так, где это ме-

сто? Еще раз перечитать: «Не дай бог, она узнает о том обстоятельстве...»

Интересно, о чем она? Может, дальше идет разъяснение? Нет, дальше пошло описание рецепта знаменитого тети-Сашиного варенья из абрикосов с грецкими орехами. Потом вопросы – кто и как из Аннеточкиных родственников поживает. А про «девочку» и неизвестное «обстоятельство» нет больше ни слова. Интересно, что тетя Маша имела в виду? Странно, странно... Еще и Света – мама, должно быть, – что-то там клятвенно обещала. Хм! Прямо тайны мадридского двора! А по сути, наверное, пустяковина какая-нибудь! Тетя Маша, бывало, любила пострадать излишней мнительностью. Да, наверняка – пустяковина...

Ирина аккуратно сложила письмо, сунула в конверт, повертела его в пальцах перед глазами. Вспыхнула, побежала в голове робкая беспокойная мыслишка – не надо было открывать. Теперь вот сиди, думай, напрягайся неожиданным беспокойством. Вон оно, уже затрубило внутри легким тревожным звуком, теперь так сразу от него и не отделаешься. Света, главное, клятвенно обещала... Не в Светиных интересах... Интересно, при чем тут мама вообще?

А дождь-то, надо же, кончился, и не заметила как. И солнце золотит мокрые стволы сосен, от травы поднимается легкий туман. Сиди, любуйся, ты ж хотела! Забудь, забудь! Все у тебя хорошо, ты счастлива, просто до безобразия счастлива. Забудь...

Словно в подтверждение этого «забудь» послышался шум подъезжающей к воротам машины. Кто это? Девчонки с учебы приехали? Или Игорь? Нет, ему еще рано.

Ага, девчонки. Машка выскочила, поежилась слегка, открыла кованые створки. Значит, сегодня Сашка за рулем...

– Привет, мамуль! – помахала рукой радостно.

– Привет.

Улыбнулась, ответила тихо, себе под нос. Надо подниматься из кресла, идти на кухню, ужин готовить. Как она нынче с ужином-то припозднилась, они ж наверняка голодные! Придется что-то на скорую руку...

– Мам, ты чего такая приплюснутая? Случилось что-нибудь? – заглянула на кухню Сашка, звонко чмокнула ее в щеку.

– Нет... Ничего. Устала просто.

– А бабушка уехала?

– Да.

– Ура!

– Саш, – укоризненно обернулась она от плиты.

– Все, не буду! А что у нас сегодня на ужин?

– Для вас – омлет со шпинатом. Вы ж меня убьете, если я вам свиные отбивные предложу.

– А то! Конечно, убьем. И даже плакать не будем.

– А блинчики? – простонала за Сашкиной спиной Машка. – Я же блинчики утром просила...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.